

0 777758

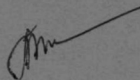
На правах рукописи

Веревкина Татьяна Викторовна

**УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО НАРОДА
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец 2009

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ
Щеулин Василий Васильевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Дубровина Светлана Юрьевна**

кандидат филологических наук,
доцент **Бурцев Владимир Анатольевич**

Ведущая организация: Белгородский государственный университет

Защита состоится «14» апреля 2009 года в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских
диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по
адресу: 399740, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина по адресу:
399740, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «11» марта 2009

Ученый секретарь
диссертационного совета

доктор филологических наук профессор *А.А. Дякина* Дякина А.А.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547883

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Во многих лингвистических работах последних десятилетий акцентируется тот факт, что современная наука переживает настоящий «человеческий бум». Это связано с общим поворотом исследований к изучению «человеческого фактора» в языке, то есть к выяснению возможностей включения человека во всем многообразии его индивидуальных интеллектуальных, эмоциональных, психологических качеств в языковую парадигму, и, как следствие, с возникновением антропологической парадигмы языкознания. При антропологическом подходе к изучению языка провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека. Действительно, язык как средоточие человеческой сути формирует и в значительной мере организует рациональную, психическую и социальную сферы человека, закрепляет и предопределяет его представления о мире («картину мира»), образ мыслей, его поведенческие стереотипы. Языковая интерпретация восприятия мира – одна из сторон широкой проблематики «язык и мир человека», освещаемой в трудах многих исследователей. Развитие идеи о провозглашении человеческого фактора в качестве методологической универсалии лингвистических исследований нашло отражение в работах многих языковедов (В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, А.А. Потебни и др.), в том числе современных (Ю.Н. Караулова, Ю.С. Степанова, А. Вежицкой, Г.А. Золотовой, Е.В. Падучевой, Ю.Д. Апресяна, В.А. Масловой и др.).

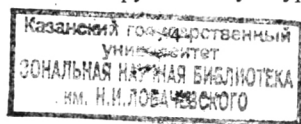
Вступление лингвистики в новый период своего развития потребовало разработки новой методологии и терминологии для дальнейших исследований. Как пишет Е.В. Поставалова, «в разные эпохи интеллектуально-духовной деятельности людей на первый план выдвигаются различные базисные категории, в значительной мере определяющие стиль мышления своего времени» (Поставалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999, с.3). Такие категории как бы консолидируют мыслительное пространство соответствующей эпохи и в большей степени определяют тип и характер предметов мысли, порождаемых ею. Так, появились понятия и термины, оперируя которыми языковеды могли точнее описать новые объекты исследования, глубже проникнуть в новую проблематику: *национальный характер, ментальность (менталитет), языковая картина мира (модель мира), концептосфера, концепт*.

Важнейшими понятиями, системно описывающими соотношение «язык – культура – этнос», стали: **языковая картина мира** (концептуальная картина мира, модель мира), под которой понимается сформировавшаяся в общественном или индивидуальном сознании упорядоченная совокупность знаний о внешнем и внутреннем мире, зафиксированная в единицах языка; целостное изображение языком всего, что существует в нас и вокруг нас, что позволяет аккумулировать информацию о внешнем и внутреннем мире человека и закреплять ее средствами языка (Н.Ю. Шведова); **языковая личность** – закреплённый в лексике базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка

(Ю.Н. Караулов); **ментальность** – мировосприятие в категориях родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера (В.В. Колесов); **национальный характер** – своеобразие национальных психологических черт, менталитета, национальных традиций и обычаев, проявляющихся в специфике национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа (Н.М. Фирсова); **концепт** – универсальная семантическая категория, отраженная в сознании человека, обозначенная словом данного языка и имеющая антропоцентрическую и культурологическую сущность (Е.А. Попова); уходящее в историю народа понятие, поименованное языком в виде лексического значения слова, лежащее в ментальной, духовной, социальной или физически необходимой жизненной сфере человека, существующее в своем собственном языковом окружении в качестве его центра (Н.Ю. Шведова).

Категории пространства и времени, как окружающая нас действительность, заслуживают особого внимания в лингвистических исследованиях. Мир полон разных физических тел, взаимодействующих друг с другом, он существует во времени и пространстве, и язык в основных чертах отражает это, описывает, используя разные концепты. Данная работа посвящена изучению универсальных и национально специфичных концептов, формирующих такой значимый фрагмент языковой картины мира, как *пространство и время*. Язык на разных уровнях закрепил в себе многие важные для самосознания русского народа представления о времени и пространстве. В рамках нашей работы мы рассмотрели время и пространство на лексическом уровне (представленные в языке пространственные и темпоральные концепты), с точки зрения национальной самобытности данного фрагмента русской языковой картины мира (отражение категорий пространства и времени в русском языке) и на уровне художественного восприятия (пространство и время художественного текста), что позволит составить полное представление о русской языковой пространственно-темпоральной модели и сделать на основе этого выводы об особенностях менталитета русского народа.

Актуальность данного исследования определяется, прежде всего, тем, что работа выполнена в рамках антропоцентрического направления в лингвистике и посвящена изучению значимого фрагмента русской языковой картины мира – пространственно-темпоральной модели и, в частности, отражению пространственно-временных представлений русского народа в языке. Понимание глубинных процессов формирования национальной концептосферы русского этноса дает возможность понять и проанализировать особенности мировоззрения русского человека, основы русского национального характера, русской души. Национальная специфика пространственно-временных концептов в русском языковом континууме, исследование их культурологической значимости вызывает постоянный интерес у исследователей. В настоящее время это одно из наиболее сложных и одновременно широко разрабатываемых направлений изучения русской языковой картины мира, так как оно предоставляет уникальную возможность проникнуть в истоки культуры и истории русского этноса и объяснить некоторые особенности русской культуры в мировом культурно-

социальном пространстве. Проникновение в национальную картину мира позволяет лучше осмыслить особенности характера, мировосприятия, поведения человека, а также раскрывает универсальные и национально специфичные черты, присущие языковой картине мира данного этноса.

Научная новизна данной работы состоит в системном подходе к категориям пространства и времени как одному из важнейших фрагментов русской языковой картины мира. Особенностью исследований в данной сфере является достаточно узкий ракурс освещения проблемы: либо изучение проводится на материале отдельного иностранного языка, либо акцентируется текстообразующая роль темпоральности, либо рассматриваются отдельные аспекты русской языковой картины мира и т.п., в силу чего не представляется возможным составить полное представление о том, как в настоящее время выглядит русская языковая картина пространства и времени, как шло развитие и становление концептов, составляющих этот значимый фрагмент русской языковой картины мира. В нашем диссертационном сочинении на основе разнообразного теоретического и практического материала были обобщены «научные» и «наивные» (языковые) представления о категориях пространства и времени в виде построения целостных языковых картин пространства и времени, что позволило всесторонне проанализировать структуру и свойства категорий пространства и времени с точки зрения их универсальности и национальной специфичности, учитывая антропоцентрический и этнокультурный аспекты изучения данных понятий.

Материалом для данного исследования служат примеры из произведений классической художественной литературы (А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, М.А. Булгакова, И.С. Шмелева, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой и др.); источником фактического материала – различные словари (толковые, фразеологические, этимологические и др.). Общий объем проанализированного языкового материала составляет 2000 примеров.

Объектом исследования являются ключевые пространственные и темпоральные концепты, представленные языковыми единицами с пространственной и временной семантикой, организующими один из фрагментов русской языковой картины мира, духовной культуры русского народа.

Основной предмет исследования – функционирование антропоморфных пространственных и временных концептов в русском языке, в том числе в языке русской литературы, группирующихся вокруг основных концептов *время* и *пространство*.

Цель и задачи исследования

Цель нашего лингвокультурологического исследования в общем плане состоит в создании целостного представления о пространственно-временном аспекте действительности, отраженном в мировоззрении русского этноса через призму языка. Достижение данной цели видится нам в разработке более частных вопросов на базе данного фрагмента языковой картины мира посредством анализа отдельных языковых единиц (концептов). Иными словами, при более узком подходе цель настоящей работы заключается в исследовании русской

языковой картины мира с точки зрения отражения в ней пространственного и темпорального параметров, а также в рассмотрении национально специфичных концептов, структурирующих один из наиболее значимых и сложных фрагментов русской языковой картины мира на основе категорий пространства и времени.

В соответствии с поставленной целью в работе предусматривается решение следующих задач:

- дать характеристику понятийному аппарату, позволяющему вести изучение категорий пространства и времени с точки зрения теории языковой картины мира;
- исследовать пространство и время как универсальные, общезначимые категории;
- определить уникальность, знаковую для русского этноса категорий пространства и времени, составляющих один из важнейших фрагментов русской языковой картины мира;
- определить структуру пространственно-темпорального фрагмента русской языковой картины мира;
- рассмотреть взаимосвязь времени и пространства в качестве одного из перспективных направлений в изучении русской языковой картины пространства и времени;
- выделить и проанализировать наиболее значимые концепты русской языковой картины пространства и времени;
- установить текстообразующую роль хронотопа как пространственно-темпоральной модели художественного текста в русской литературе.

В процессе исследования использовались следующие методы и приемы анализа:

- приемы обобщения, систематизации и классификации;
- описательный метод, позволяющий на основе анализа эмпирического материала делать теоретические выводы;
- метод теоретической интерпретации эмпирических данных и выявления тенденций и закономерностей;
- метод компонентного анализа, позволяющий выявить составные части внутри концептуальной структуры;
- синхронический и диахронический методы, способствующие описанию реализации концептов как в языке конкретного временного отрезка, так и длительного временного интервала;
- метод анализа словарных дефиниций, раскрывающий семантическое окружение и особенности структуры концепта;
- метод анализа парадигматических, синтагматических, а также ассоциативных связей слов-репрезентантов концептов, способствующий более полному описанию базового смыслового слоя концепта;
- метод контекстуального анализа, с помощью которого можно изучить реализацию концепта и его репрезентантов в текстах художественных произведений.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в ее комплексном характере, в обобщении существующих в лингвистике подходов к изучению категорий пространства и времени, что позволило рассмотреть эти категории в аспекте русской ментальности. Полученные результаты, представленные в виде концептуальных моделей пространства и времени в русском языке, могут быть использованы в языковых и культурологических исследованиях категорий пространства и времени, языковой картины мира в целом и ее фрагментов. Помимо этого, работа может быть значима для развития таких дисциплин, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвистическая аксиология, межкультурная коммуникация и когнитивная лингвистика.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут применяться на занятиях в системе вузовского преподавания в курсе современного русского литературного языка (разделы «Лексикология», «Фразеология»), филологического и лингвистического анализа текста, теории языка, в курсах по выбору с культурологической и этнокультурологической направленностью, в преподавании русского языка как иностранного, в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов. Кроме того, возможно применение материалов диссертации при проведении дополнительных и факультативных занятий по русскому языку и литературе в школе в рамках формирования культуроведческой компетенции учащихся. Возможно также использование результатов исследования в лексикографической практике, а именно при составлении словаря констант русской культуры и русского лингвокультурологического словаря, в дальнейших исследованиях, связанных с изучением специфики менталитета русского народа, в исследованиях по межкультурной коммуникации. Диссертация также может использоваться при формировании филологической культуры русской языковой личности. Основная идея филологической культуры состоит в формировании интереса к феномену языка, это особая ответственность перед словом, способность уважения к родному языку, благоговение перед той языковой купелью, в которой суждено пребывать каждому человеку, становясь личностью (Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2003, т.1, с.3).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Наиболее эффективным способом изучения языковой картины мира в настоящее время признается метод ее реконструкции *по фрагментам*, среди которых, в частности, выделяют *время* и *пространство*. Языковые модели пространства и времени обладают как интернациональными, универсальными, так и национально специфичными, уникальными признаками, что, в свою очередь, нашло отражение при формировании пространственно-темпорального фрагмента *русской языковой картины мира*.

2. Являясь значимыми фрагментами как универсальной, общенациональной языковой картины мира, так и исконно русской, представления о времени и пространстве в русском языке задаются как «общечеловеческими», свойственными всем этносам, концептами, составляющими *ядро* национальной концептосферы, так и «собственно русскими», имеющими яркую этнокультуроло-

гическую специфику и зачастую не переводимыми на другой язык, формирующими, в свою очередь, *периферию* национального культурного мира. Русская языковая картина пространства и времени репрезентируется в языке с помощью ядерных концептов *пространство* и *время* и множества периферийных концептов *час, год, година, день, мгновение, минута, миг, эпоха, век; простор, воля, удаль, раздолье, странничество, путь, дорога, степь* и др.

3. Взаимосвязь времени и пространства находит множество языковых реализаций в русской лексико-грамматической системе. Понятие *времяпространство* – историческая реальность, так как многие временные понятия первоначально вышли из пространственных (*вертеть – веремя – время; тыкать – стык – угол – сутки*). Эта взаимосвязь лежит в основании такого языкового перехода, когда значения языковых форм развиваются в направлениях пространство (место) – время и время – пространство (место): определенный временной срок обозначается через расстояние и, наоборот, место или расстояние – через срок (*Город находится в двух часах ходьбы; я шел долго – прошел лес, потом поле*). В русском языке возможна взаимозамена пространственных и временных понятий и на фразеологическом уровне: фразеологизмы *не за горами, на носу* означают и «скоро», и «близко» – *зима не за горами* (скоро) и *Москва не за горами* (близко).

4. Пространство и время «взаимоопределяются» на уровне художественного мышления – в понятии *хронотоп*: в хронотопических лексемах временной узус раскрывается через пространственный, пространство осмысливается и измеряется временем.

5. Своеобразие русского художественного «времяпространства» выражается в существовании самобытных, индивидуальных концептов, используемых в особых авторских контекстах (концепты *странничество* и *путь* в произведениях Н.С. Лескова; концепт *верста* в творчестве М. Цветаевой), и в то же время общих, типологических концептов-моделей, в которых опредмечивается межнациональный культурный опыт. Такие модели представляют собой особую рода содержательные формы, которыми каждый отдельный писатель пользуется как готовыми, индивидуализируя их содержание, но сохраняя в то же время заложенный в них общий смысл (мотив *дома* в различных культурах).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы данного исследования были изложены в докладах на научных конференциях различного уровня: Международной научной конференции «Русская классика: проблемы интерпретации (XIII Барышниковские чтения)» (Липецк, 2006), V Международной научно-практической конференции «Проблемы непрерывного образования: проектирование, управление, функционирование» (Липецк, 2007); на межвузовских конференциях «Лингвистика антропоцентризма и лингвокультурологическое знание в XXI столетии» (Липецк, 2006), «Современный русский язык в лингвокультурологическом пространстве» (Липецк, 2007), «Русский язык наших дней в социолингвистическом освещении» (Липецк, 2007), на научно-практических конференциях студентов, аспирантов и соискателей ЛГПУ (Липецк, 2004-2007). Апробация диссертационного исследования осуществлялась в процессе чтения лекций на физико-математическом факуль-

тете Липецкого государственного педагогического университета в рамках курса по выбору «Русская ментальность в зеркале языка». По теме диссертации опубликовано 10 работ, две из которых опубликованы в изданиях, реферируемых ВАК РФ.

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников исследования и списка использованной литературы, содержащей 174 наименования. Текст изложен на 226 страницах рукописи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного сочинения, ставятся основные цели работы и очерчивается круг сопутствующих задач, определяется объект и предмет исследования, характеризуется база фактического материала, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Этнолингвистическая линия изучения языка как одно из центральных направлений в антропологической парадигме лингвистики»** рассматриваются этапы становления современной антропоцентрической парадигмы в языкознании и выявляется проблематика изучения человеческого фактора в языке, исследуются различные точки зрения на содержание понятий *языковая картина мира (модель мира), ментальность, концептосфера, концепт*, определяются основные направления изучения языковой картины мира как важнейшей категории современной лингвистической парадигмы.

За последнее время лингвистика значительно расширила круг изучаемых объектов и явлений, предполагающих обязательный учет человеческого фактора, фактора «языковой личности» (по определению Ю.Н. Караулова). Одним из таких объектов стало изучение триады «*язык – культура – этнос*» в аспекте антропоцентризма. Язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса. В то же время содержание языка неразрывно связано с культурой. Коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки. Язык может рассматриваться как орудие культуры, как одна из ее ипостасей (в особенности литературный язык, сакральный язык или язык фольклора) и, как таковой, может описываться через признаки, общие для всех явлений культуры. Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры и этноса должна непременно учитываться при изучении языка. Этот вопрос является междисциплинарным, и его решение возможно только усилиями нескольких наук. Данная триада («*язык – культура – этнос*») является объектом исследования таких наук, как этнолингвистика, лингвокультурология, лингвистическая аксиология.

Этнолингвистика – это направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных, этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Данное направление в языкознании ориентирует исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимодействия и разных видов их корреспонденции. **Лингвокультурология** развивается как комплексная дисциплина,

изучающая связи языка и культуры как целостных систем, в единстве их системных характеристик и функционирования. Эта отрасль лингвистики возникла на стыке лингвистики и культурологии и исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и обобщают результаты деятельности человеческого сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах, символах и паремиях (поговорах). **Лингвистическая аксиология** в центр своего внимания ставит проблему изучения системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре. Решение данной проблемы является востребованным, поскольку человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения значимости для удовлетворения своих потребностей. Языковая информация о системе ценностей этноса свидетельствует об особенностях мировосприятия народа, дает возможность выявить своеобразие в его мировидении, мироощущении и миросозерцании. Таким образом, при изучении языка в его связи с культурой и историей народа – носителя необходимо учитывать результаты исследований и этнолингвистики, и лингвокультурологии, и лингвистической аксиологии, поскольку каждая из этих научных дисциплин, изучая какой-либо аспект триады «язык – культура – этнос» в отдельности, позволяет высветить проблему в целом, что мы и отразили в рамках нашей работы. Данное исследование выполнено с учетом основных достижений лингвокультурологии, в центре внимания которой находится круг изучаемых нами проблем.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является реконструкция картины мира, представленной в языке. Исследование языковой картины мира проводится посредством ментального и концептуального анализа, поскольку концепты как основные единицы ментальности являются в то же время и базисными единицами картины мира. В концептах заключена информация о ментальном мире носителей языка, следовательно, описание каждого из них выявляет определенный фрагмент языковой картины мира, отражает ту или иную особенность мировидения народа. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры (Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» – СПб.: Златоуст, 1999, с.81).

Вторая глава «К истории и теории представлений о времени и пространстве» освещает вопрос о теоретических основах исследования категорий пространства и времени в языке и различных подходах к определению сущности данных понятий. Категории пространства и времени изучались в лингвистике в различных аспектах (Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994; Яковлева Е.С. Час в русской языковой картине времени // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6; Яковлева Е.С. Жизнь в терминах времени: эпоха, дни, век, времена // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в

честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004; Логический анализ языка: язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1997; Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000; Падучева Е.В. К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию В.В. Иванова / Редкол.: А.А. Вигасин и др. – М.: «Объединенное гуманитарное изд-во», 1999; Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002 и др.). В нашем исследовании мы показали, что тесно связанные между собой понятия языковой картины мира и пространственно-темпоральной ориентации, являющейся значимым фрагментом языковой картины мира, представляют интерес для исследователей как продуктивно развивающиеся направления в лингвистике.

В этой главе исследуется роль дейктических слов в создании картины мира. Дейктические слова («здесь»-«там», «сейчас»-«тогда», «этот»-«тот», «вот»-«вон» и др.) формируют и отражают определенную систему понятий, которую можно было бы назвать наивной физикой пространства и времени, то есть в данном случае можно говорить о наивно-языковой концептуализации пространства и времени. Концепция дейксиса особенно значима при изучении и анализе факторов, от которых зависит способ ориентации человека в пространстве и во времени. Таким образом, понятие личной сферы говорящего, или концепция, рассматривающая индивида как центральную фигуру во времени и пространстве, является неотъемлемой частью картины мира.

При анализе категории *пространства* мы исходим из идеи об одушевлении пространства человеческим присутствием, согласно которой динамика идеи пространства сводится к «собиранию», «оживлению» пространства человеком. В контексте языковой картины мира пространство, если сравнивать его с понятием времени, легче воспринимается человеком: для того, чтобы постичь его, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. «Очеловечивание» пространства мы видим в его связи с телом человека: подножье горы, горный хребет; горловина, рукав реки: «*Сельцо Зубцово расположено у подножья небольшой горки, вдоль мутного пруда, на котором изобретательная экономия нашла средство устроить небольшую мельницу...*» (В.А. Соллогуб. Сережа). Пространство как бы организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Самый ближний круг, микрокосм, – это сам человек, находящийся в центре мироздания. С понятием человек связаны понятия, касающиеся самого устройства человека, его способностей, его движений и действий, наконец, предметов, которые он создает. Во всех языках наименования частей тела используются для обозначения направлений или местоположения частей предметов (*голова колонны, поезда* и т.п.). Граница первого круга – тело и одежда человека, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как нарушение этических и прочих норм. Одежда у славян издревле выполняла функцию магического оберега, отсюда ее ритуальность и особая значимость: *родиться в рубашке* (ср. англ. *born with a silver spoon in one's mouth* – *родиться с серебряной ложкой во рту*) (LONGMAN DICTIONARY OF CON-

TEMPORARY ENGLISH. Special Edition. Volume II. LONGMAN, 1992. Словарь современного английского языка. Спец. издание. Т. II. – М.: Русский язык, 1992, с.1019). Следующий круг – это *дом* человека, его ближайшее окружение. Дом – это принадлежность человека, но не животного или другого живого существа. К дому человек относится по-особому, рассматривая его как часть своей личной сферы, это особый обжитой мир, уклад жизни, средоточие традиций, имеющее культурную ценность *Страна* – более широкое пространство, в котором пребывает человек. Наконец, *мир* – максимальное пространство, о котором может мыслить человек, например: *на краю света* – «бесконечно далеко». Пространство, таким образом, – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Как важнейшая форма мира и жизни в нем человека, пространство многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии.

Современные представления о *времени* сложны и многообразны: время – мера движения и изменения, что соответствует пониманию времени как всепорождающей и всеуничтожающей сущности в мире. В связи с этим вполне объяснимо существование великого множества различных классификаций времени. В соответствии с разными формами движения выделяют физическое, геологическое, механическое, астрономическое, биологическое, социально-историческое, психологическое время. Существует, согласно современным научным концепциям, время объективное (физическое) и субъективное (психологическое); историческое, художественное, библейское и др.; оно может быть также концептуальным и перцептивным. Согласно данным физики, философии и других наук, выделяют время циклическое (последовательность повторяющихся однотипных событий) и время линейное (однонаправленное поступательное движение). Принято различать, кроме того, космическое время, определяемое природными циклами (солнечными или лунными), и время историческое, определяемое течением событий. Первое организует распорядок жизни и экономическую деятельность человека. Так, универсальными способами восприятия времени во многих культурах служат смена светлой и темной частей суток, а также периодичность повторения природных явлений: *день, ночь, утро, полдень, полночь, вечер, сумерки, весна, лето, зима* и др. Историческое время формирует ось, на которой отмечены события социальной и индивидуальной жизни. Живя в определенное время, человек в то же время и одновременно живет в разных временах – астрологическом и астрономическом, историческом и возрастном, сакральном и профанном (обыденном). Все они в той или иной степени управляют жизнью человека. Иначе говоря, время требует, чтобы с ним были согласованы события жизни, эмоциональные переживания, социальное поведение людей, исторические события и др., хотя современный человек стремится максимально уменьшить свою зависимость от природного времени. Представление о времени, несомненно, соотносится с объективно наблюдаемой сменой различных «состояний мира», однако концепт времени, пожалуй, в еще большей степени, чем другие речемыслительные категории, отражающие атрибуты действительности, связан с переживающим время субъектом, с его оценкой, с его «ощущением времени».

Современные исследователи выделяют две модели времени и два основных подхода к функционированию концепта времени: «активный» и «созерцательный». Согласно традиционной модели, время и поколения людей появляются из будущего и уходят в прошлое, старея; в новой же модели время как бы движется вместе с человеком в будущее. «Активный» подход соответствует «современному» пониманию времени: раз мы движемся во времени, то, чтобы попасть в будущее, нужно прилагать усилия. «Созерцательный» подход соотносится в большей степени с «традиционным» пониманием, хотя отчасти совместим и с «современным»: предполагается, что мы не только находимся в позиции наблюдателя, а как бы движемся из прошлого в будущее без усилий.

Ядерные и периферийные концепты, репрезентирующие группы «пространство» и «время», находятся в отношениях взаимосвязи друг с другом: эта взаимосвязь обусловлена философскими, историческими и собственно языковыми причинами. Так, к примеру, взаимосвязь времени и пространства прослеживается на таком языковом переходе, когда значения языковых форм развиваются в направлениях *место – время* и *время – место*: определенный временной срок обозначается через расстояние и, наоборот, расстояние – через срок (*Наша деревня находится в двух часах езды. Шел долго – прошел лес, поле*). Понятие «времяпространства» – реальность историческая, что может быть объяснено с этимологической точки зрения: многие временные понятия первоначально вышли из пространственных (*тыкать – стык, угол – сутки*, что означает «поворот» во времени, смену одного дня другим и подтверждается значением древнерусского слова *сутки* – слияние, место, где сходятся границы). Трактовку времени в категориях пространства, мы встречаем и в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля: время – это «пространство в бытии» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006, т.1, с.439). Интерпретация данного феномена взаимосвязи пространственно-временных категорий имеет, кроме того, философский подтекст: она свидетельствует об «очеловечивании» мира, описываемого языком: время, поднимаясь пространственно, становится «вещным», наделяется человеческим содержанием, а пространство как категория, более приближенная к человеку, лучше понятая им, «овременяется», становится более духовным. Для лингвистов особый интерес представляет тот факт, что созданная философами ассоциация связи пространства и времени, отражающая надделение пространства временными параметрами и наоборот, имеет широкое хождение в русской поэзии: *...Для нее (совести. – Т.В.) не существует время. / И для нее пространства в мире нет* (А. Ахматова); *Из днесь – / В навек...* (М. Цветаева). *Час, а может быть – неделя / Плаванья (упрусь – так год!). / Знаю лишь: еще нигде не / Числится, кроме широт / Будущего...* (М. Цветаева).

Третья глава «Уникальность и универсальность картины пространства и времени в свете данных русского языка» ставит своей целью обобщить представления о пространственно-темпоральных концептах русской языковой картины мира на основе анализа языкового материала, представить целостный взгляд на исследуемый объект, проанализировав его с точки зрения антропоцентризма, национальной специфики составляющей его концептосфе-

ры, особенностей коммуникативного поведения русского народа, понятий художественного времени и художественного пространства в русской литературе.

Языковая модель в любой культуре строится из целого ряда концептов и констант культуры. Но при, казалось бы, одинаковом наборе универсальных концептов (*судьба, правда, любовь, пространство, время* и т.д.) у каждого народа существуют уникальные, только ему присущие соотношения между ними, а также выделяется особая группа этноцентрических концептов, имеющих яркую национальную специфику и создающих основу национально специфичного видения и оценки мира (*простор, душа, совесть, стыд, авось, удасть, тоска* для носителя русского языка). Представления о времени и пространстве в русском языке задаются группой универсальных, общечеловеческих концептов и большим количеством «исконно русских» языковых единиц.

Категория **времени** в русском языке репрезентуется с помощью ядерного концепта *время* и периферийных концептов с темпоральной семантикой. Группа концептов, формирующих фрагмент языковой картины мира «время», очень обширна, так как набор лексико-семантических средств, представляющих *временные* отношения действительности в русском языке, чрезвычайно богат. Так, в академических словарях современного русского литературного языка представлено около 130 ядерных и периферийных лексем, относящихся к разным частям речи, *временное* значение которых является доминантным. Современную лингвистическую модель времени можно представить совокупностью нескольких языковых категорий: значения слов с темпоральной окраской (*день, ночь, год*), прилагательные и наречия с темпоральным значением (*бывший, будущий, нынешний, впредь, сегодня, завтра*), кроме того, формы глагольного времени, темпоральные синтаксические конструкции и др. В рамках нашего исследования мы выделяем группу концептов для анализа и подробно остановимся на их рассмотрении: *час, год, година, день, мгновение, минута, миг, эпоха, век, утро, день, вечер*. Выбор для рассмотрения данных периферийных концептов обусловлен тем, что они, на наш взгляд, наиболее ярко отражают сущность категории темпоральности в русской языковой картине мира, тогда как центральный концепт данной категории – *время* – является более универсальным, интернациональным. В структуре концепта *время* можно выделить четыре основных значения: длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов; форма бытия, измеряемая секундами, минутами, днями, годами, веками, как мера длительности всего совершающегося; какой-либо отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет, столетий и т.п., в течение которых что-либо совершается или может быть совершено; эпоха, период (в жизни человечества, народа, государства): *В гневѣ доходил он до беспамятства и, как видно, этим раньше времени состарил свою когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную паутиной морщин, дородную жену* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Времена Вертеров и Шарлотт прошли* (И. Гончаров. Обрыв). В основе образа времени в русском языковом сознании присутствует движение (*Время идет, летит, тянется, бежит*): в этом мы видим отражение древнего природного ритмического цикла, так как слово *время* произошло от древнерусского «веремья», родственного «вертеть» – «коловращение», «круже-

ние», «повторное обращение», «вечный оборот» (Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Рус. яз., 1994, т.1, с.170-171).

С точки зрения антропоцентричного взгляда на анализ языковых единиц с временной семантикой исследователи выделяют особую группу темпоральных концептов (или, по терминологии Е.С. Яковлевой, «темпоральных номинаторов»). Они, будучи в разной степени синонимами человеческого бытия, в совокупности представляют это бытие в виде некоей «многомерной системы», или в полном смысле картины, в которой присутствуют тематические фрагменты: «внутреннее/внешнее», «духовное/вещное», «культурно-историческое/частное». К этой группе, к примеру, относятся такие «качественные спецификаторы времени», как *час* и *день* и др., в значении и речевом употреблении которых мы естественным образом ощущаем признаки антропоцентричности. Весьма показательно в данном отношении и соотнесение этих временных концептов. Совпадая в значении «время, пора», далее *день* и *час* задают две различные проекции времени: *день* (в значении «жизнь») – это внешнее, «вещное», жизненное пространство, а *час* (в значении «время, момент наступления или осуществления чего-либо») – это как бы «пространство внутреннего созерцания»; можно сказать, что сама временная семантика *часа* синонимична понятиям «внутренний мир», «духовно переработанный жизненный опыт». Это значение концепта *час* («время, момент наступления или осуществления чего-либо») представляется нам наиболее интересным: в нем присутствует особая значимость для русского человека – результат духовного опыта человечества. Объясняется существование этого феномена в современном русском языке тем, что рассмотренные нами значения восходят, скорее всего, к соотнесенности *дня* и *часа* в языке Ветхого и Нового Завета: в Библии употребляются такие выражения, как *последние дни*, *дни сочтены*; *час искушения*, *пробыл час*, *смертный час*, *час Истины*, несущие особое смысловое наполнение: *В последние дни станут времена тяжкие...* (из апостольских Посланий). Этот факт, подтверждающий, в частности, Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, выделяющий у лексемы *час* значение «*только ед., со словом «последний» и без него (часто употребляется с глаголами «пробыть», «ударить»*). Смерть (ритор.)» (1996, т.4, стб.1236), и Русский ассоциативный словарь, согласно которому стимул *час* вызывает ассоциации: *день, последний, расплаты; минул; пробыл; роковой* (Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцевой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002, т.1, с.718). Русский язык, благодаря богатой, разработанной и освоенной системе лексических средств, позволяет носителям языка говорить о жизни в терминах времени, в чем выражаются особенности русского видения мира. Такая «качественная спецификация» времени как «вместилища» важных событий, понимаемого и как синоним жизни, позволяет носителю русского языка соотносить время с помощью различных темпоральных концептов с разными сферами бытия.

Анализ употребления «темпоральных показателей» в русском языке позволяет утверждать, что в зависимости от семантики временные концепты

можно разделить на две большие группы, задающие принципиально разные проекции описания жизни. Так, *дни, времена, век, эпоха, годы, лета* и др. описывают мир внешний: социальный, возрастной, культурно-исторический; члены этого ряда являются выразителями некоего «вещного» плана жизни: – *Не нужен твой стих – / Как бабушкин сон. / – А мы для иных / Сновидим времен. / – Докучен твой стих – / Как дедушкин вздох. / – А мы для иных / Дозорим эпох.* (М. Цветаева. «Не нужен твой стих...»). Например, концепт *дни* применяется как к жизни отдельного человека, так и к жизни социума. Только в первом случае возможно осмысление жизни по аналогии с фазами солнца (восход – зенит – закат), относительно же существования общества *дни* понимаются опосредствованно – через «фазы» жизни отдельного человека, через идеи начала и конца: *Безумец! На закате дней Он вздумал быть ее супругом* (А.С. Пушкин. Полтава). Концепты, входящие в первую группу, являются не просто категориями языкового выражения времени, но «категориями лингвокультурными», значимыми для общества в целом (Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурологической ситуации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – №1, с.82). Они называют некий *период* времени, отрезок, а не точку на временной оси: этот тезис подтверждается невозможностью употребления данных слов при обозначении «сроков», которые являются «поворотными точками» – в отличие от слов, отнесенных нами ко второй группе.

Концепты второй группы *час, мгновение, минута, миг* проецируют события на внутренний мир: душевный, духовный, представляемый; в системе временных показателей именно они предназначены для описания ментального плана жизни. Эта группа темпоральных концептов – знаки психологического восприятия времени, как нельзя лучше соответствовавшие гармоничному, человеческому, а не «надчеловеческому» восприятию времени, времени субъективного, проживаемого и переживаемого человеком, наблюдаемого *конкретным* человеком, исторического времени, память о котором есть у всякого *конкретного* человека. Это концепты, которые можно охарактеризовать как «поворотные точки», например, *час* или *день* как «срок наступления значимого события» (*поминальный час; день, когда пришла гроза: Ни день, когда пришла гроза, / Ни час тюремного свиданья...* (А. Ахматова. Реквием). Явная специфичность в употреблении этих темпоральных концептов позволяет говорить об особой «шкале времени», позволяющей воссоздать в терминах времени жизнь отдельного человека и целой эпохи, что свидетельствует о значимой смысловой и текстообразующей функции, которую выполняют в создании художественного текста рассмотренные концепты, в чем, на наш взгляд, выражаются особенности русского видения мира. Е.С. Яковлева указывает, что «переход на язык времени при разговоре о жизни» свидетельствует о «некоем ее постижении, о своего рода наивной философии», занятие которой в меньшей степени присуще нашей повседневной разговорной практике и в гораздо большей степени характеризует язык русской литературы и поэзии (Яковлева Е.С. Жизнь в терминах времени: эпоха, дни, век, времена // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.:

Языки славянской культуры, 2004, с.835). Смысловой спектр, который задают слова *дни, эпоха, час, век, времена, мгновение, минута, миг* при описании жизни в терминах времени, является культурно специфичным и составляет важную часть хронотопа как элемента русской художественной картины мира. Значительную культурно специфические реалии, заключенные в данных концептах, трудно или даже невозможно передать на другом языке. В русском языке обозначения этих больших и малых промежутков времени в переносном плане могут выступать в роли эталонов, обозначающих неопределенно большие или малые отрезки времени в жизни человека, государства, и тесно связанные с данными эталонами существенные влияния лиц, событий на ход истории, на нравственную атмосферу общества, конкретных людей и, напротив, влияния несущественные.

Русская этноязыковая картина времени также характеризуется рядом особенностей. По данным этнографов и культурологов-славистов, в русском языке существовало разделение времени на *мужское* и *женское*. Женскими считались среда и пятница, мужскими – понедельник, вторник и четверг. Это не просто соответствие распределения дней грамматическому роду существительных: за этим стоит давняя устойчивая традиция, определявшая трудовые действия, ритуалы и повседневное поведение в конкретные дни. В зависимости от этого накладывались запреты на те или иные виды «мужской» или «женской» деятельности (сев, жатву, прядение, ткачество). Так, фразеологизм *семь пятниц на неделе* связан с «женским» днем – пятницей. Это выражение восходит к языческому культу богини плодородия Мокоши. В пятницу, считавшуюся Мокошиным днем, женщине запрещалось работать: нельзя было прясть, купать детей, начинать какое-либо дело и т.д. Пятницы были базарными днями, когда заключались торговые и долговые обязательства, и сроком исполнения этих обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу. О человеке, который часто откладывал исполнение обещаний, стали неодобрительно говорить у него *семь пятниц на неделе*, то есть он часто меняет свои решения (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001, с.483). Типично «мужским» днем издревле был четверг – день Перуна, бога грома и молнии, которому возносили моления о дожде во время засухи. Считалось, что особенно охотно он исполняет их в свой день. Но поскольку такие мольбы не раз оставались тщетными, то в народе появилось выражение *исполнится после дождичка в четверг*, то есть «никогда» (Там же, с.162).

В целом, русский человек более свободно обращается со временем, чем, к примеру, житель Западной Европы: сами обозначения временных интервалов основаны не на астрономическом времени, а организованы относительно заключенной в них деятельности человека. В большинстве европейских стран день структурируется обеденным перерывом, который носит универсальный характер и расположен в интервале от 12 до 14 часов. Как следует из данных Словаря современного английского языка, время суток до этого перерыва (т.е. от полуночи до полудня) называется *umpo – morning* (LONGMAN 1992, т.II,

с.678). Часть времени после этого перерыва и приблизительно до конца рабочего дня имеет в английском языке специальное название – *afternoon*, точного эквивалента которому в русском языке нет (*afternoon* обычно переводится как «после полудня до захода солнца или до конца рабочего дня» или просто «день») (LONGMAN 1992, т.1, с.17). «День» по-русски означает промежутки времени с неотчетливыми границами: 1. Часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера (Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1999, т.1, с.387), т.е. с утра и до наступления вечера без указания на определенные часы (утро – это время начала человеческой деятельности, а вечер – время, когда дневную деятельность пора заканчивать). Иногда европейскому *afternoon*/«послеполудню» соответствует русское «вечер» (*вечерний прием врача – с двух до шести*). Еще одним ярким подтверждением того, что для русских границы временных интервалов достаточно размыты, служит устойчивое сочетание *русский час*, означающее «невесть сколько» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006, т.4, с.193).

Русская языковая картина **пространства** составляет значимый фрагмент языковой картины пространства. Категория пространства объективируется в русском языке при помощи ключевого концепта *пространство* и ряда периферийных концептов с пространственной семантикой. Согласно данным Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, *пространство* – это: 1. неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях); 2. место, способное вместить что-либо; 3. большой участок земной поверхности (1999, т.3, с.528). Русский человек действительно ассоциирует *пространство* прежде всего с «неограниченной протяженностью», к которой он привыкает с самого детства, с безбрежным «участком земной поверхности». Русский ассоциативный словарь выделяет следующие реакции на стимул *пространство*: «бесконечно, широко, безгранично, необъятно, обширно, без предела» (Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцевой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002, т.1, с.524) («...Земли, земли, земли столько, что глаза устают смотреть...<...> И всего безотраднее то, что на всем огромном пространстве господствует какое-то ужасное однообразие, которое утомляет до чрезвычайности и отдохнуть не дает...» (В.А. Соллогуб. Цыгане)). В.К. Харченко в Словаре богатств русского языка характеризует русские пространства следующим образом: «Катастрофические пространства. "...Крест, который несет Россия, неподъемный больше ни для кого. Этот крест – в удержании немислимых, чудовищных, катастрофических пространств..."» (Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2003, т.2, с.124). Русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение – вширь, вдаль; «однаправленную бесконечность», по выражению Г. Гачева (Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1998, с.477). Таким образом, в данной области языковой семантики нашло отражение «плоскостное», «равнинное» мышление, ха-

ракетное для русского человека, иными словами, наш язык отразил наиболее типичный для нас ландшафт.

«Чувство простора, равнинности» является «типичной чертой русского народного ума» (Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000, с.338). Тема «пространственной беспредельности» – один из структурообразующих элементов русской культуры. Она является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере. О роли родных просторов в формировании русского характера и русского видения мира говорили многие историки, философы, писатели, особо отмечая взаимосвязь безграничного пространства и широты русской души: «Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта» (Н.А. Бердяев). Широкой русской душе необходимо много места, она эмоционально осваивает огромные пространства. Таким образом, наши бескрайние просторы определили и *широту души русского человека*, и особенности *русского национального характера*, сформировавшихся под влиянием бескрайних российских просторов, и отчасти особенности *русской истории*.

Вокруг ядерного концепта *пространство* группируются многочисленные репрезентанты пространственной языковой картины: *простор, воля, удаль, раздолье, странничество, путь, дорога, степь* и др. – те «локальные» концепты, которые обладают ярко выраженной национальной спецификой и составляют периферию этноязыковой картины пространства. В этой связи интересно отметить те исконно русские концепты, которые, образуя периферию национальной концептосферы пространства, отсутствуют в языковом сознании других народов. Широкое пространство всегда владело сердцами русских, что вылилось в такие понятия и представления (аналогов которым нет в других языках), как *простор, воля, удаль, подвиг, странничество*. В работах некоторых отечественных лингвистов отмечался тот факт, что концепты *воля, удаль* и *подвиг* достаточно сложно переводятся на иностранные языки: оказалось, что ни один европейский язык не имеет слов с хотя бы приблизительно близкими значениями. Для русских людей родной край, родные просторы всегда были «свободой», «волей», «привольем»: *погулять на воле, выйти на волю*. Если синонимичный *воле* концепт *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, то в слове *воля* выражено специфически русское понимание: воля исключает какие-либо ограничения и может быть только абсолютной (невозможно употребление в русском языке: *внутренняя воля, но допустимо: *внутренняя свобода*). Можно сказать, что в концепте *воля* присутствуют одновременно идея свободы и идея больших пространств – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством: подобно *воле, удаль* обязательно требует пространства, простора, движения. Русская *удаль* – это храбрость в широком движении, «помноженная на простор для выявления этой храбрости» (Лихачев Д.С. Заметки о русском // Избранное Вели-

кое наследие: Классические произведения Древней Руси. – СПб.: LOGOS, 1998, с.476). *Подвиг* вмещает в себя и героический поступок, и доблесть, и безграничность, и самоотречение – но все это не исчерпывает его полного семантического наполнения. «По-двиг» – иными словами, что-то, сделанное движением, побужденное желанием сдвинуть с места неподвижное, что подтверждается наличием в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля следующего значения этого концепта с пометой *стар.*: «стремление; путь, путешествие, поездка, движение» (2006, т.3, с.273) и этимологией слова *подвиг*: «Заимствовано из старослав. яз. Образовано с помощью темы –ъ, от *подвигнутися* – “потрудиться, совершить труд, подвиг”» (Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1961, с.255).

Многие исследователи писали также о непереводаемости на другие языки русского слова «простор», окрашенного чувством, мало понятным иностранцу: в семантике и особенностях словоупотребления оно содержит осязаемый лишь носителем русского языка исконный восторг перед огромностью, бескрайностью и красотой наших пейзажей, природы. По данным Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, под *простором* понимается 1. Свободное обширное пространство. 2. Свобода, раздолье (1999: т.3, с.527), то есть простор – это всегда зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным степным пейзажем или с чистым полем. «Русские просторы зовут странствовать, бродить, раствориться в них...», – писал В.В. Вейдле (В.В. Вейдле. Безымянная страна). Издавна русская культура считала *простор* величайшим эстетическим и этическим благом для человека. Необъятный простор автоматически вызывает в сознании русского человека образ безбрежного пространства: «*Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия – родной край*» (И.С. Тургенев. Деревня); *Весь безбрежный степной простор кажется осыпанным тонкой золотой пылью* (А.И. Куприн. В недрах земли).

Вместе с тем, отношение русского человека к *простору* двойственно. С простором связываются две возможные эмоциональные тональности, противопоставленные друг другу: либо мажорная, гедонистическая, когда *простор* видится как приволье, либо минорная, когда *простор* навевает тоску. Действительно, с одной стороны, в концепте «простор» присутствует идея свободы, боязни тесноты и ограничений, с другой – от избытка места человек тоскует и мается, не находя себе *своего* места, и тогда простор оборачивается отсутствием места – неприкаянностью, *странничеством*. «Мотив путей-дорог и человека-странника» – еще один связанный с русскими просторами элемент русской языковой картины пространства. Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой определяет *странничество* как «странствование пешком на богомолье» (с пометой *устар.*) (1999, т.4, с.281); Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля дает такое толкование: «быт, жизнь и состояние странников, богомольцев; скитальчество» (2006, т.4, с.563). Носитель русского языка ощущает в этом концепте особые оттенки в значении: *странничество* –

это такое состояние человека, когда он испытывает внутренний дискомфорт и растерянность, когда он безуспешно пытается найти верную дорогу, место, где бы ему было спокойно и хорошо. Странничество, «неприкаянность», «перека-ти-поле» – выражение характерных свойств ищущей русской души. «Стран-ный» в русском сознании – это свой, родной; странник всегда был любим наро-дом: «Все мы, люди, – **странники**. И Земля наша, говорят, – в небе тоже **странница**» (А.Н. Островский); *Топчут песок и глину / Страннические ноги, / Топчут камень и грязь... / Кто на ветру – убогий? / Всяк на большой дороге – / Переодетый князь!* (М. Цветаева. «Всюду бегут дороги...»). Таким образом, концепт *простор* оценивается русским человеком двояко: с *простором* связаны такие резко противоположные состояния носителя языка, как *любовь к обшир-ным пространствам* и в то же время *тоска, неприкаянность, отсутствие сво-его места*.

Данная глава также посвящена изучению языкового пространства и времени в языке художественных произведений, что нашло отражение в лите-ратуроведческой идее хронотопа, с привлечением материала художественной литературы. *Художественному времени и художественному пространству*, отразившим в литературных образах национально специфичную картину мира, практический опыт и культурно-исторические традиции народа, говорящего на русском языке, принадлежит особая роль в создании русской языковой картины мира. В связи с этим мы рассматриваем хронотоп как структурирующий эле-мент языковой модели пространства и времени в произведениях русских писа-телей. Исследователи склонны различать в структуре литературного хронотопа следующие разновидности: говорят о хронотопе, свойственном конкретному писателю, принадлежащем его идиостилю, и о хронотопе отдельного лите-ратурного произведения; о хронотопе индивидуальных, самобытных авторских концептов и общих, типологических моделей, в которых опредмечивается культурный опыт человечества в целом. Понятие хронотопа – не выдумка лите-ратуроведов, а эстетическая реальность, каждая из составляющих которой (*про-странство и время*) имеет право как на раздельное, так и совместное существо-вание в системе художественного текста. К примеру, в художественных произ-ведениях Н.В. Гоголя все пространственные образы свои реальные приметы обретают только во времени. У Н.В. Гоголя не какая-то там ночь и не где-нибудь там имеющая место ночь, но непременно или *ночь перед Рождеством*, или *майская ночь*. Время у Гоголя, нисколько не упраздняя пространство, соци-ально и художественно корректирует его, а это, в свою очередь обеспечивает ему в художественной системе писателя приоритетное положение. В данной главе с точки зрения организации хронотопа проанализированы такие произве-дения русской классической литературы, как «Вечера на хуторе близ Дикань-ки», «Шинель», «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Очарованный странник» Н.С. Лескова, «Реквием» А.А. Ахматовой, «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, а также лирика М.И. Цветаевой и др.

Таким образом, в создании русской языковой картины мира особая роль принадлежит художественному времени и пространству, отразившим в лите-ратурных образах национально специфичную картину мира, практический опыт

человека, культурно-исторические традиции народа, говорящего на русском языке. Это позволяет нам сделать вывод, что художественная картина мира является структурирующим элементом языковой модели пространства и времени в русском языке и произведениях русской литературы. Таким образом, русскую языковую картину времени и пространства, претерпевшую значительную эволюцию и со временем превратившуюся в достаточно сложную систему, можно представить следующим образом:

Русская языковая пространственно-временная модель как целостный фрагмент русской языковой картины мира включает в себя две значимые части: пространственную и темпоральную картины мира, в структуре которых, в свою очередь, можно выделить этноязыковую и художественную картины пространства и времени. В то же время художественная модель времени и художественная модель пространства оказываются неразрывно связанными в понятии хронотопа, соединившем в себе категории пространства и времени. Так, можно определенно утверждать, что пространственные и временные категории структурируются русским народом «по-своему», с учетом только ему присущих национально-культурных особенностей и создают тем самым неповторимую языковую пространственно-временную картину русского этноса.

В **заключении** подводятся основные итоги работы, полученные в результате языкового и культуроведческого анализа категорий пространства и времени в свете идей современного этапа развития лингвистической науки, и намечаются перспективы данного исследования.

В настоящей работе представлено описание пространственно-темпорального фрагмента языковой картины мира в аспекте изучения его универсальных и уникальных черт. Данное исследование характеризуется системным подходом, особенность которого заключается в том, что центральная и периферийная зоны не только структурируются в составе языковой картины времени и пространства, но прослеживаются как упорядоченные множества язы-

ковых единиц – концептов, регулярно контактирующих, находящихся в тесных связях. Именно эти характеристики обуславливают, с одной стороны, целостность языковой картины пространства и времени, с другой – многоликость элементов и средств, служащих для репрезентации пространственно-временных отношений в русском языке.

В процессе исследования ядерной и периферийной зон языковой картины пространства и времени и средств их репрезентации обозначилась проблематика для новых поисков в этом направлении. Перспективой данного исследования можно считать сопоставительное, контрастивное, изучение как самих категорий времени и пространства, так и репрезентирующих их концептов в различных языках в разрезе семантического и коммуникативного аспектов. В качестве возможных направлений исследования можно рассмотреть и изучение репрезентации категорий пространства и времени в русском фольклоре, в диалектной картине мира (с точки зрения диалектоносителей). Перспективным нам видится также сопоставление систем организации хронотопа в русской и иноязычных национальных литературах. Таким образом, важность изучения пространственно-темпоральных концептов для дальнейших исследований в области русской языковой картины мира неоспорима.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. *Лобанова, Т.В.* Русская концептуальная модель пространства / Т.В. Лобанова // Структура, семантика и функционирование языковых единиц (сборник аспирантских и студенческих научных трудов). – Липецк: ЛГПУ, 2005. – С. 56-67.

2. *Лобанова, Т.В.* «Лингвистические парадоксы» пространственно-темпоральной ориентации / Т.В. Лобанова // Функциональные и коммуникативно-прагматические аспекты развития русского языка (Сборник научных работ, посвященный 15-летию Липецкой лингвистической школы). – Липецк: ЛГПУ, 2005. – С. 95-102.

3. *Лобанова, Т.В.* Категория пространства в антропоцентрическом аспекте / Т.В. Лобанова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. – Липецк: ЛГПУ, 2005. – Ч. I. – С. 189-197.

4. *Лобанова, Т.В.* Концепт: истоки и сущность понятия / Т.В. Лобанова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – Вып. 3. – Ч. I. – С. 201-207.

5. *Лобанова, Т.В.* Уникальность и самобытность пространственной ориентации в представлении русского народа / Т.В. Лобанова // Проблемы лингвистической теории, форм и содержания образования и обучения. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 17-25.

6. *Лобанова, Т.В.* Тектообразующая роль категории темпоральности в русской лирике / Т.В. Лобанова // Русская классика: проблемы интерпретации. Материалы международной научной конференции «XIII Барышниковские чтения» (24-25 февраля 2005г., г. Липецк) / ЛГПУ, Департамент образования администрации г. Липецка. – Липецк, 2006. – С. 316-321.

7. *Лобанова, Т.В.* Концептуальная модель времени. Основные темпоральные модели / Т.В. Лобанова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – Вып. 4. – С. 230-237.

8. *Лобанова, Т.В.* «Женское время» в русском языковом узусе / Т.В. Лобанова // Современный русский язык в лингвокультурологическом пространстве. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – С. 137-142.

9. *Веревкина, Т.В.* Языковая модель времени как одна из основных темпоральных моделей / Т.В. Веревкина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 9 (65). – С. 127-132.

10. *Веревкина, Т.В.* Утро в приветствии «Доброе утро!» / Т.В. Веревкина // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 121-123.

Работы под № 9, 10 опубликованы в изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии.

Веревкина Татьяна Викторовна

**Универсальность и уникальность пространственно-временных
представлений русского народа и их отражение
в русской языковой картине мира**

Подписано в печать 10.03.2009 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. – 1. Тираж 100 экз.
Заказ № 650.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»
398020, г. Липецк, ул. Ленина, д.42

Отпечатано в РИЦ ЛГПУ

